

вряд ли целесообразно пользоваться этим словом как *terminus technicus*. Вызывает сомнения и «ввездное земледелие», практиковавшееся, якобы на Боспоре во времена сарматской династии; роспись склепа Анфестерия не является достаточным аргументом в пользу этого предположения, мало вероятного и по общим соображениям.

Наконец, хочется высказать пожелание, чтобы автор дополнил рассматриваемую главу в последующих изданиях работы историей сельского хозяйства и аграрных отношений позднеантичного Херсонеса. Этот вопрос обойден в работе. Я отдаю себе отчет в больших трудностях, связанных с исполнением этого пожелания, но вряд ли кто-либо другой смог бы преодолеть эти трудности с большим успехом, чем В. Д. Блаватский.

Я рассматривал работу В. Д. Блаватского почти исключительно с точки зрения проблемы аграрных отношений в античной Элладе; рецензируемая книга в широком плане выдвигает эту важную проблему и с ее теоретической стороны, и в смысле подбора весьма ценных конкретных данных. Но главное по объему содержание книги посвящено широкому и детальному подбору археологических, по преимуществу, данных для всесторонней характеристики земледелия и даже сельского хозяйства в целом в Северном Причерноморье. Эта вполне конкретная задача блестяще разрешена в книге. Автор дает чрезвычайно точное и детальное описание сельскохозяйственной техники в узком смысле слова — орудий труда, приемов обработки почвы, а также системы полеводства, садово-огородных культур. В. Д. Блаватский стремится решить и такие трудно поддающиеся изучению вопросы, как, например, урожайность; превосходно характеризуется обработка и хранение продуктов сельского хозяйства и т. д. Особого внимания заслуживает глава о полевых культурах, где дается характеристика злаковых культур, основанная на совместных исследованиях археологов и историков культурных растений. Особенно интересно выдвигаемое в этой главе наблюдение, что культурная пшеница не была завезена в Причерноморье греками, но культивировалась местными племенами до появления греческих поселений. Этот вопрос заслуживает специального изучения и весьма желательно, чтобы в последующих изданиях книги данная глава была бы дополнена сведениями о земледелии в Северном Причерноморье в догреческий период.

Весьма ценным представляется также подчеркиваемое автором наблюдение о сходстве «орудий труда, а возможно, и приемов земледелия у населения Азиатского Боспора и независимых от Боспора обитателей Среднего Прикубанья, во всяком случае, в первых веках нашей эры» (стр. 109).

Глава о животноводстве представляет большой интерес с точки зрения приемов исследования и как важный итог предшествовавших исследований. Но все же количественная незначительность находок костей вряд ли позволяет делать те, весьма интересные сами по себе, широкие выводы об эволюции стада, которые предложены в этой главе.

Итог нашего рассмотрения книги В. Д. Блаватского очевиден: эта работа, содержащая глубокое исследование одного из наиболее актуальных вопросов истории античной Греции и Северного Причерноморья, вносит серьезный вклад в советскую литературу об античном мире.

А. К. Бергер

張蔭麟：中國史綱上古篇 ЧЖАН ИНЬ-ЛИНЬ, *Древняя история Китая*, Пекин, Саньянь Шудянь, 1955, 236 стр.

Книга Чжан Инь-линя впервые вышла из печати еще до освобождения Китая — в 1940 г. Через два года после этого скончался ее автор, видный специалист по древней истории Китая. Казалось бы, книга, отделенная от нас таким всемирно-историческим рубежом, как победа китайской революции, и написанная более пятнадцати лет

назад, должна была устареть. Однако это не так. Работа Чжан Инь-линя до сих пор читается с неослабевающим интересом и увлечением. Живая мысль, талантливое изложение, ряд ценных обобщений и метких наблюдений делают ее выдающимся явлением китайской историографии последних десятилетий, и, безусловно, правильно поступило научное издательство Саньлянь Шудянь, вновь выпустив в 1955 г. книгу покойного ученого.

Книга охватывает эпоху с XIV в. до н. э.¹ до I в. н. э. Первая глава, названная «Начало китайской истории» (стр. 1—25), посвящена в основном характеристике последних веков эпохи Инь. Автор опирается на данные археологических раскопок и поэтому не касается начала эпохи Инь (XVIII—XV вв. до н. э. по традиционной хронологии), времени, о котором до сих пор ничего не сказала нам археология. Следующие три главы (стр. 26—99) посвящены XI—V вв. до н. э., пятая и шестая главы (стр. 100—147) — социальной, политической и культурной истории периода Чжаньго (V—III вв. до н. э.), седьмая и восьмая главы (стр. 148—182) — империи Цинь (246—207 гг. до н. э.) и свергнувшему ее народному восстанию. Завершающие книгу три главы характеризуют западноханьскую империю (206 г. до н. э.— 8 г. н. э.) и деятельность Ван Мана (9—23 гг.).

Чжан Инь-линь отмечает, что главной отраслью хозяйства в эпоху Инь было земледелие, основной земледельческой культурой являлось просо. Для обработки земли употреблялась деревянная соха, в качестве тягловой силы при пахоте домашние животные не применялись. Говоря о высоком развитии техники плавки бронзы, Чжан Инь-линь отмечает, что, несмотря на появление бронзовых орудий труда, они в то время еще не вытеснили костяные и каменные орудия.

Иньское государство Чжан Инь-линь считает по существу племенным союзом; стоявшее во главе его правящее племя уже захватило наследственную власть. Это примитивное государственное образование надстраивалось над родовыми коллективами; возглавлявшие их старейшины подчинялись вану, резиденцией которого была иньская столица. Автор отмечает, что в это время уже возникло рабство, источником которого было пленение на войне.

В конце главы автор, останавливаясь на проблеме формирования китайского народа, пишет, что к VIII в. до н. э. завершился процесс возникновения «национального» самосознания китайцев. Выражением единства явилось название «чжуся» или «чжухуа», распространявшееся на всех китайцев, независимо от того, в каком княжестве они жили.

Чжан Инь-линь называет общество XI—V вв. до н. э. феодальным. Не будучи марксистом, Чжан Инь-линь не представлял себе истории общества как последовательной смены общественно-экономических формаций. Соответственно этому и феодализм не является у него обозначением общественно-экономической формации. Он поясняет, что под этим термином он понимает общество с иерархической структурой землевладельческого господствующего класса.

Анализ классов «феодального» общества автор начинает с подробной характеристики положения рабов. Здесь Чжан Инь-линь подмечает весьма существенную специфическую черту древнекитайского рабства — рабы в древнем Китае этой эпохи, в от-

¹ Автор придерживается традиционной хронологии, согласно которой переселение иньцев в район современного г. Аньяна имело место в начале XIV в. до н. э. Разгром иньского государства основателем династии Чжоу У-ваном по этой хронологии относится к 1122 г. до н. э. Новейшие исследования иньских надписей показывают, что правильна другая хронология, известная в Китае с 281 г. н. э. из хроники (так называемых «Бамбуковых анналов»), найденной в могиле, относящейся к началу III в. до н. э. В настоящее время можно считать установленным, что переселение в район Аньяна относится к началу XIII в. до н. э., гибель государства Инь — ко второй половине XI в. до н. э. См. Чэнь Мэньцзян, Вопрос о хронологии эпох Шан-Инь и Чжоу, «Лиши яньцзю», 1955, № 2; J. N e e d h a m, Science and civilization in China, I, Cambridge, 1954, стр. 90.

лично от древнеримских рабов, жили семьями. В этом сказался свойственный многим древневосточным обществам патриархальный характер рабовладения.

Чжан Инь-линь замечает, что надписи на бронзовых сосудах, как и данные других источников, показывают, что число рабов, находившихся в собственности у представителей господствующего класса, доходило до нескольких тысяч. Основную массу рабов составляли военнопленные; порабощение преступников также играло известную роль в качестве источника рабства. Рабов употребляли в качестве слуг, посыльных, привратников, из рабов же делали евнухов для гаремов. Но большей частью они использовались в производстве: каждый знатный род был автономной хозяйственной единицей — как одежда, так и предметы домашнего обихода изготовлялись для него собственными рабами. Они же делали колесницы, оружие, предметы культа, музыкальные инструменты. В руках рабов был присмотр за лошадьми и за колесницами, рабскими занятиями считались сбор хвороста и трав, пастьба скота, выпаривание соли.

В своей характеристике положения древнекитайского крестьянства этой эпохи автор исходит из своеобразной интерпретации системы *цзинтянь*. Под этим названием обычно понимается описанная в сочинении конфуцианского философа Мэн-цзы (372—289 гг. до н. э.) система землеустройства, при которой земля делилась на квадратные поля, причем девять маленьких квадратов составляли большой квадрат, в котором восемь полей, расположенных по краям (*сытянь* — частные поля), обрабатывались крестьянами для себя. Урожай с поля, расположенного в центре и совместно обрабатывавшегося всеми крестьянами, шел властителю. Это поле называлось *гунтянь* (поле князя). Мэн-цзы говорил, что так распределялась земля в эпохи Инь и Чжоу (эпохой Чжоу Мэн-цзы называл период, позже получивший наименование Западного Чжоу — XI—VIII вв. до н. э.), с той разницей, что в эпоху Инь в каждом поле было 70 му, в эпоху Чжоу — 100 му.

В рецензируемой книге доказывается, что земля в XI—V вв. до н. э. в самом деле делилась на *гунтянь* и *сытянь*, но эксплуатация крестьянства отнюдь не ограничивалась безвозмездной обработкой *гунтянь*. Кроме выжимавшейся из крестьян таким образом отработочной ренты, они были обязаны и натуральной рентой в виде части урожая с земель *сытянь* и продуктов домашнего ремесла (шелк или холст). Кроме того, земледelec мог быть в любое время оторван от своего клочка земли и послан на строительство дворца князя, возведение стен или углубление рвов, окружавших княжеские резиденции.

Переход к периоду Чжаньго означал, по мнению Чжан Инь-линя, конец феодализма в древнем Китае. Основные княжества, утратив феодально-иерархическую организацию, стали централизованными государствами. Вместе с тем за сто лет, с 420 до 320 гг. до н. э., совершился и ряд других перемен, сыгравших огромную роль в истории Китая. Это — развитие торговли, ремесла, городов, появление новой интеллигенции, освобождение идеологии от пут традиции.

В период Чжаньго мы впервые встречаем ремесленные мастерские и предприятия, в которых использовался труд рабов. В источниках есть сведения о возникших в это время железоплавильных, шелкоткацких и лаковых мастерских, о солеварнях, о разводившихся для продажи огромных стадах скота. В начале периода Чжаньго впервые появились медные монеты, начали употреблять в качестве крупных денежных единиц золотые слитки. Если ранее только столицы крупных княжеств насчитывали до 10 тысяч дворов, то в период Чжаньго таких городов стало много, а некоторые даже превосходили эту цифру. Так, город Линьцзы, столица княжества Ци, насчитывал в середине IV в. до н. э. 70 тысяч дворов.

Особенно значительный прогресс был достигнут в военном деле. Бронзовое оружие, употреблявшееся до V в. до н. э., постепенно заменялось железным. Громоздкие и неповоротливые армии колесниц, пригодные лишь для равнин, но не для войны в горах, сменились армиями, состоявшими в основном из кавалерии и пехоты и применявшими осадные лестницы и другие приспособления. Постепенно военное дело, все больше отделяясь от гражданского управления, превращалось в особую специальность. Соз-

дается, во всяком случае, частично, постоянное войско. Перестраивается дело обороны государства. Если раньше стенами были окружены лишь столицы княжеств и немногие пограничные города, что давало возможность вражеской армии беспрепятственно вступать на территорию государства, то теперь стены и укрепления стали возводить по всей длине границы.

Одна из особенностей политической жизни Китая в период Чжаньго—появление нового слоя странствующих политиков, зачастую вышедших из низов и благодаря своим способностям достигавших власти в ряде государств древнего Китая. Деятельность этих людей наложила глубокий отпечаток на всю политическую историю периода Чжаньго. В некоторых государствах (в частности, в Цинь) она привела к резкому уменьшению влияния старой знати. Называя этот слой «новой интеллигенцией», Чжан Инь-линь ставит вопрос о его происхождении. Он отмечает, что в период Чуньцю (VIII—V вв. до н. э.) знать обладала монополией не только на власть и на землю, но и на знания. Правда, уже существовала прослойка образованных людей, не принадлежавших к знати: *жу* — гадальщики, жрецы и анналисты, обучавшие этикету, ритуальным песням, истории. Они были особого рода слугами в домах князей и аристократов и не пользовались никаким политическим влиянием.

Автор считает, что, подняв на высоту ранее униженных *жу*, Конфуций сыграл огромную роль в деле создания слоя интеллигенции, выдвинувшегося на политическую арену в период Чжаньго; Конфуций так полно выразил своим учением идеологию *жу*, сочетавшую консерватизм и просветительство, что само это слово, до него обозначавшее профессиональную группу, стало названием философской школы конфуцианцев. Из рядов конфуцианцев вышли и основоположники двух других философских школ древнего Китая — моистов и *фацзя* («законников»).

Рассказав об объединении Китая в циньской империи и отметив огромное прогрессивное значение этого события, автор показывает в то же время, что Цинь Ши-хуан осуществлял невиданное по масштабам жесточайшее подавление и эксплуатацию народа. Предприимавшееся Цинь Ши-хуаном строительство, часто бессмысленное и ненужное, стоило жизни сотням тысяч людей.

Чжан Инь-линь замечает, что образование империи Хань сопровождалось известным рецидивом раздробленности, носившей, по его терминологии, феодальный характер. Ко времени воцарения У-ди (140 г. до н. э.) ханьскому правительству удалось, нанеся решительный удар силам раздробленности, сконцентрировать всю власть в своих руках. Политической централизации сопутствовала идеологическая унификация: конфуцианство провозглашается официальным учением. Чжан Инь-линь посвящает идеологическому развитию первого столетия господства ханьской династии немало интересных страниц. Влияние, которым пользовался даосизм в первой половине II в. до н. э., он объясняет усталостью, охватившей древний Китай после десятилетий кровавой циньской власти и следовавших за ней войн; отвращением, которое испытывал народ к государственному террору и насилию, к назойливому вмешательству государства в жизнь народа. Даосская теория недеяния способствовала тому, что первые ханьские императоры не вмешивались в естественный ход экономической жизни и давали простор развитию хозяйственной инициативы. Это сыграло огромную положительную роль в деле развития производительных сил страны.

Однако к 30-м годам II в. до н. э. даосизм исчерпал заложенные в нем положительные возможности. Политическая пассивность привела к тому, что не получали достаточного отпора мятежные магнаты внутри страны и иноплеменные агрессоры вовне. К тому же укрепление власти в единой империи требовало принятия единой официальной идеологии. Но почему этой идеологией стало именно конфуцианство? Автор объясняет, что такой идеологией не могло стать ни учение Мо-цзы, требовавшее простоты и отказа от роскоши и потому непригодное для господствующего класса, ни теория *фацзя*, ставшая официальной идеологией в циньской империи и потому окончательно скомпрометированная зверским управлением Цинь Ши-хуана. Конфуцианство же с его признанием широко распространенного в народе поклонения духам и с мо-

рально, основанной на сыновнем благочестии и верности, пользовалось широкой популярностью в народных массах и оказалось вполне пригодным в качестве официальной идеологии и для господствующих слоев.

Книга заканчивается описанием деятельности Ван Мана (9—23 гг.) и установления Восточной Ханьской династии (25—220 гг.). Чжан Инь-линь считает, что Ван Ман был вдохновлен на проведение реформ утопическими идеями, содержавшимися в трактате Мэн-цзы, в особенности же проповедовавшейся этим мыслителем идеей земельного уравнивания. Придя к власти, Ван Ман в 9 г. н. э. опубликовал указ, согласно которому вся земля переходила в руки государства и распределялась по определенной норме. Кроме того, этот указ запрещал работоторговлю и продажу в рабство свободных людей. Был принят и ряд других законов, направленных к усилению государственного руководства экономической жизнью страны.

В условиях древнего Китая усиление власти государства открывало для чиновничества возможность произвола и безудержного взяточничества. В этой обстановке даже те законы, которые были предназначены к тому, чтобы облегчить участь народа, превращались в орудие его угнетения. За нарушение закона карался не только нарушитель, но и его родственники, что приводило к массовым арестам и репрессиям.

Положение Ван Мана было подорвано войнами, которые он затеял против корейцев и племен юго-запада. Эти войны привели к значительному увеличению налоговых тягот, в результате чего началось бегство крестьян с земли, выросли и активизировались разбойничьи шайки; начались волнения и в пограничных военных поселениях. Голод, охвативший восточные районы страны в 17—22 гг., привел к массовым крестьянским восстаниям. Это нанесло окончательный удар власти Ван Мана: в 23 г. столица империи Чанань была занята отрядами повстанцев, Ван Ман был убит. Народное восстание было подавлено в 27 г. помещичьими отрядами, объединившимися под руководством отпрыска свергнутой Ван Маном ханьской династии Гуан У-ди. Приходом к власти Гуан У-ди автор и заканчивает книгу.

Таковы взгляды Чжан Инь-линя на историю древнего Китая. В какой мере соответствуют они современному состоянию науки, прошедшей большой путь со времени написания книги? Какие новые точки зрения выдвинуты современными учеными, в каких частях книга нуждается в исправлении, в чем, напротив, и до сих пор не утратила значения?

Взгляды, существующие в настоящее время на проблему начала китайской истории (точнее, начала истории китайского государства), обусловлены в значительной мере отношением к китайской исторической традиции. Первыми династиями в исторической традиции считаются Ся (XXIII—XVIII вв. до н. э.) и Инь (XVIII—XII вв. до н. э. по традиционной хронологии). Между тем, древнейшие письменные источники, обнаруженные до сих пор археологами, относятся лишь ко второй половине эпохи Инь (приблизительно с 1300 г. до н. э.) и ничего не говорят о более отдаленных временах. Признание или непризнание достоверности сведений об эпохе Ся и о начале эпохи Инь приводит к разногласиям в датировке начала китайской истории и оказывает серьезное влияние на определение характера первого китайского государства. Историки, исходящие из достоверности данных древнекитайских канонических книг, большей частью относят образование классового общества в Китае к XVIII в. до н. э.¹ Чжан Инь-линь принадлежит к тем ученым, которые не считают возможным опираться на сведения, не подтвержденные археологическими данными, и поэтому начинают изложение истории древнего Китая с XIV—XIII вв. до н. э.² Осторожный подход к сведениям, содержащимся в конфуцианских книгах, подвергав-

¹ См., например, Л ю й Ч ж э н ь - ю й, Краткая история Китая, Пекин, Женьминь чубаньшэ, 1955; У Ц з э, Рабовладельческое общество эпохи Инь, Шанхай, Танди чубаньшэ, 1953.

² Характеристика эпохи Инь, основанная почти исключительно на археологических данных, содержится в книгах: Х о у В а й - л у, Очерки по истории древнекитайского общества, Пекин, 1955; Г о М о - ж о, Эпоха рабовладения, Пекин, 1954.

шихся многократной переработке, кажется нам вполне оправданным; при нынешнем состоянии науки датировка начала китайской истории, которую дает автор, является вполне обоснованной.

Чжан Инь-линь не дает четкой характеристики иньского общества, но приводимый им материал показывает, что он считает Инь временем образования государства и появления примитивного рабовладения. И этот взгляд автора выдержал испытание временем. Хотя проблему общественного строя эпохи Инь нельзя считать решенной (есть ученые, считающие, что в это время в древнекитайском обществе был достигнут высокий уровень развития рабовладения¹), в последнее время все большее число историков приходит к выводу, что иньское общество следует считать раннерабовладельческим². Эти ученые в основном сходятся с Чжан Инь-линем и в оценке характера иньского государства.

Вызывает возражение высказанный автором в конце первой главы взгляд, согласно которому национальное самосознание китайцев сложилось уже в VIII в. до н. э. Конечно, речь здесь должна идти не о национальном самосознании, а о сознании исторического и культурного единства, но и оно не сложилось еще в столь отдаленную эпоху. Мы думаем, что к VIII в. можно отнести лишь первые его проблески. Это полностью подтверждается анализом первоисточников. Так, в «Цзо чжуане», важнейшем источнике по истории VIII—V вв. до н. э., жители отдельных княжеств, как правило, называются не «китайцы», а в зависимости от княжества, где они жили, — «люди Сун», «люди Ци» и т. д. На тысячи таких наименований приходится лишь пять мест, где встречаются термины *чжуся* и *чжухуа*, обозначающие китайцев. Самый ранний из этих текстов относится к 660 г. до н. э.³

Противопоставление «феодализма» начала эпохи Чжоу централизованному бюрократическому управлению провинциями, введенному при Цинь Ши-хуане на территории всего Китая, среди историков древнего Китая, не придерживавшихся теории исторического материализма, было общепринятым. Эта точка зрения, разумеется, не совместима с пониманием феодализма как определенной общественно-экономической формации, представляющей собою единство производительных сил и производственных отношений: никак не может быть названо феодальным общество XI—V вв. до н. э., находившееся еще на ступени бронзового века и лишь в конце этого периода приступившее к выплавке железных орудий. Это несомненное положение в настоящее время все более настойчиво высказывается в работах китайских ученых⁴.

«Феодальная» концепция автора не помешала ему дать в основном верное описание положения рабов в XI—V вв. до н. э. Надо отметить, однако, что суммарная характеристика пятисотлетнего периода приводит к тому, что автор не показывает развития, которое проделало древнекитайское рабство за это время. Если то, что пишет Чжан Инь-линь о рабском положении ремесленников, по-видимому, верно для первых веков рассматриваемого периода, то данные источников, относящиеся к VI—V вв. до н. э., показывают, что в это время уже были и свободные ремесленники⁵. Создание крупных

¹ См. Л ю й Ч ж э н ь - ю й, ук. соч.; У Ц з э, ук. соч.; Л и Я - н у н, Жизнь общества эпохи Инь, Шанхай, 1955.

² См. «Общий курс истории Китая» под ред. Шан Юе, Пекин, 1954; Ч ж у Б э н ь ю а н ь, Формы собственности на средства производства в эпоху Инь, «Лиши яньцзю», 1956, № 6; Х о у В а й - л у, ук. соч.

³ «Цзо чжуань», 1 г. Минь-гуна, в кн. S. C o u r t e u r, La chronique de la principauté de Lou, I, P., 1951. стр. 209 (китайский текст с французским переводом).

⁴ См. Ч ж э н Ч а н - г а н ь, Начался ли феодализм в Китае с периода Западного Чжоу?, «Цзяюй юй яньцзю», 1955, № 2; Х у а н Ц з ы - т у и, С я Ч ж э н т а о, Рабовладельческий строй в периоды Чуньцю и Чжаньго, «Лиши яньцзю», 1956, № 6.

⁵ В приведенной в «Цзо чжуане» речи цзиньского военачальника Чжао Яна, относящейся к 492 г. до н. э., проводится совершенно ясная грань между ремесленниками и рабами. Чжао Ян говорит: «После победы над врагом... крестьяне, ремесленники и

ремесленных мастерских с использованием рабского труда, имевшее место позже, в период Чжаньго, вероятно, было делом рук их обогатившейся верхушки.

Характеристика положения крестьян сильно устарела. Правда, взгляд автора на систему *цзинтянь* кажется нам гораздо убедительнее мнений ученых, считающих, что при этой системе эксплуатация крестьянства ограничивалась отработочной рентой — безвозмездным трудом на поле *гунтянь*¹. Однако вся проблема древнекитайского крестьянства разрабатывается ныне китайскими учеными в плане выявления общинного строя китайской деревни, его специфических черт, а также особенностей процесса его разложения. С этих позиций ряд исследователей рассматривает и систему *цзинтянь*, квалифицируя ее как систему землевладения сельской общины².

Главы, посвященные периоду Чжаньго, принадлежат к наиболее удачным в книге. Автор сумел выпукло и конкретно показать своеобразные черты этого периода, заставляющие считать его новым и важным этапом в истории Китая. Исключительно большой интерес представляют наблюдения автора, относящиеся к особенностям военного дела в то время, когда оно играло особенно значительную роль в жизни древнего Китая. Не лишне напомнить, что само название этого периода означает «Воюющие царства».

Правильно подмечает автор и значение нового слоя вышедших из низов странствующих политиков, выдвинувшихся в это время, но никак нельзя согласиться с ним в том, что решающую роль в подъеме этого слоя сыграла деятельность Конфуция. На самом деле появление Конфуция как первого самостоятельного теоретика и педагога само было результатом новой общественной обстановки, складывавшейся уже в VI в. до н. э.; автор правильно отметил значение революционных перемен, совершившихся в конце V — начала IV в. до н. э., но он заслуживает все же упрека в том, что излишне абсолютизировал эту грань, не показав уходящих в прошлое корней новых явлений, расцветших полным цветом в период Чжаньго.

Освещение автором причин провозглашения конфуцианства официальной идеологией заслуживает серьезного внимания. Чжан Инь-линь, однако, не коснулся тех существенных государственных соображений, которые побудили правившую группировку в конце II в. до н. э. предпринять шаг, имевший огромные последствия в истории китайской идеологии. Дело в том, что привлекая конфуцианцев, ханьское правительство учитывало, что они в это время были лучшими знатоками истории древнекитайского государственного аппарата и особенно тщательно разрабатывали проблемы государственного управления. У-ди и его окружение имели в виду воспользоваться их услугами для решения многочисленных проблем государственного и административного порядка³.

Автор видит причину неудачи реформ Ван Мана в неумелой внешней политике и в том, что усилив государственный контроль над экономикой страны, эти реформы привели к злоупотреблениям и произволу чиновничества. Но основная причина краха экономической политики Ван Мана лежит глубже. Она, на наш взгляд, заключается в том, что, реформы Ван Мана шли в разрез с тенденциями развития товарного хозяйства. Разрушение имевшихся тогда экономических отношений имело бы прогрессивный смысл в том случае, если бы оно опиралось на зарождавшиеся новые, более передовые отношения феодального общества. Но мероприятия Ван Мана, вдохновленные патриархальной идеологией Мэн-цзы, вели не вперед, а назад, к повторению давно пройденного этапа нераздельного господства родовой аристократии в политической и эконо-

торговцы будут возвышены, рабы — слуги и работники — освобождены». См. S. C. ou v g e u g, ук. соч., III, стр. 607.

¹ Я н К у а н ь, История Чжаньго, Шанхай, 1955, стр. 60; Я н С я н - к у й, Экономический строй государства Ци в доциньскую эпоху, «Вэньшичжэ», 1954, № 11.

² См. В. А. Р у б и н, Дискуссия о периодизации древней истории Китая на страницах журнала «Вэньшичжэ», ВДИ, 1955, № 4.

³ См. F u n g Y u - l a n, A History of Chinese Philosophy, I, Princeton, 1952, стр. 405.

мической областях. Попытка при развращенном и своекорыстном государственном аппарате заменить уже сложившиеся товарные отношения всеобъемлющим государственным регулированием была утопичной и реакционной. Она лишь ухудшила положение крестьянства, в конечном счете сбросившего Ван Мана и уничтожившего его режим.

Мы уже говорили о том, что Чжан Инь-линь не стоял на позициях марксизма. Отраженное в книге мировоззрение автора можно определить как взгляды буржуазного ученого-демократа. Чжан Инь-линю было чуждо представление об определяющем значении развития производительных сил в историческом процессе. Он не видел в истории закономерной смены общественно-экономических формаций. Методологические основы, из которых он исходил, освещая историю древнего Китая, довольно неопределенны, а зачастую и противоречивы. Это сказалось и в содержании, и в структуре книги. Так, анализируя «феодалное» общество XI—V вв. до н. э., автор дает обстоятельную характеристику классов рабов и крестьян и отдельных прослоек господствовавшего класса. Книга, несомненно, сильно бы выиграла, если бы автор и дальше продолжал освещать положение этих и появление новых социальных групп древнекитайского общества. Но, закончив описание этого периода главой, посвященной деятельности Конфуция, Чжан Инь-линь остальные главы книги строит по совершенно иному плану, посвящая их в основном политической и культурной истории и почти не касаясь социальной истории.

Однако непоследовательности и шаткости методологических основ книги противостоит последовательность в оценке исторических деятелей и событий с позиций демократизма, в духе уважения и сочувствия к трудовому народу древнего Китая. Это придает всему повествованию историка своеобразный отпечаток — можно сказать, что в строках книги чувствуется не только ученый, но и человек. Эмоциональный подход к материалу, пробуждающий в читателе горячий интерес к судьбе простых людей, своим трудом создавших великую китайскую культуру, составляет одну из наиболее привлекательных особенностей книги.

Замечательной чертой «Древней истории Китая» является и удачное сочетание научного подхода с популярностью. Под пером Чжан Инь-линя древнекитайская история становится живой, понятной, близкой современному читателю. В то же время в книге нет ни малейшего оттенка вульгаризации, попытки приспособить изложение к уровню неспециалиста за счет упрощения одних проблем, отказа от рассмотрения других. Если учесть сложность древнекитайских источников и складывавшуюся тысячелетиями конфуцианскую историографию, от влияния которой подчас нелегко бывает освободиться даже ученым, стремящимся по-марксистски осветить древнекитайскую историю, заслуживает восхищения умение автора на высоком научном уровне и в то же время красочно, увлекательно и просто рассказать об исторических судьбах древнего Китая.

В. Рубин

НОВЫЕ ДАННЫЕ О СВОБОДНЫХ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦАХ И РАБАХ В ЕГИПТЕ СРЕДНЕГО ЦАРСТВА

W. C. HAUES, A Papyrus of the Late Middle Kingdom in the Brooklyn Museum (Papyrus Brooklyn 35.1446), 1955, 165 стр. + XIV табл.

Рассматриваемая работа, как показывает ее название, посвящена изданию одного из папирусов Бруклинского музея, датируемого концом Среднего царства. Он был привезен из Египта в виде массы обрывков свыше 60 лет назад Ч. Вильбуром и в 1935 г. передан, в числе других папирусов, в музей. Два с половиной года реставратор музея А. Джамбальво, которому под конец работы помогал автор издания, соби-